

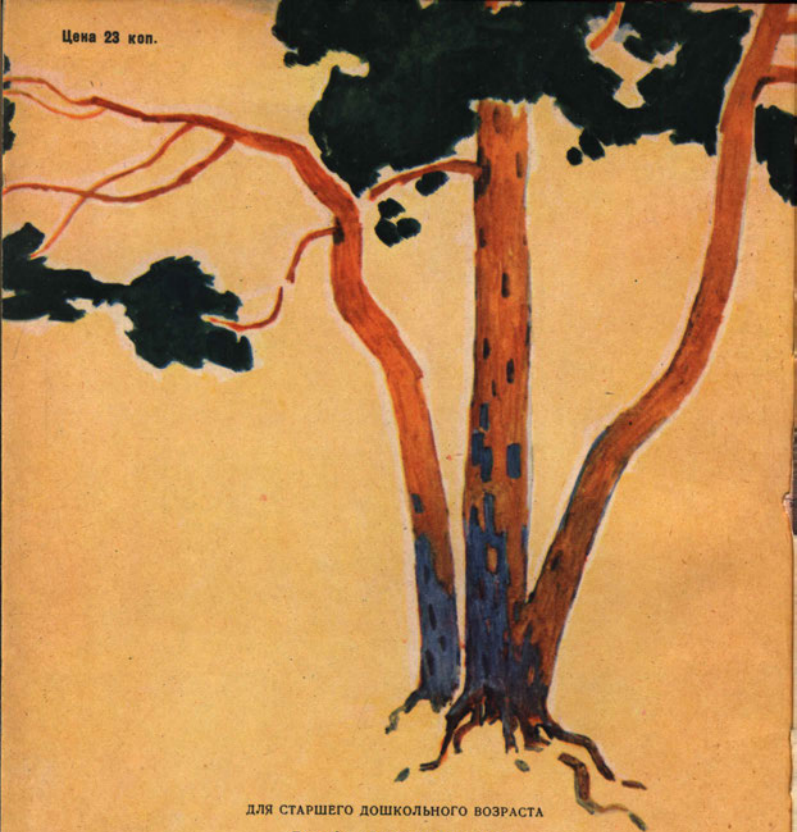
A stylized illustration of a young girl with blonde hair, wearing a red dress, standing on a sandy beach. She is looking down at a small object, possibly a shell, in her hands. The background features a large, dark, leafy tree on the left, a blue body of water on the right, and a small patch of green grass with two small white birds in the distance. The overall style is painterly and expressive.

ВИКТОР БОРОЗДИН

МЕДОВЫЕ КАМЕШКИ

Издательство
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

Цена 23 коп.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бороздин Виктор Петрович

МЕДОВЫЕ КАМЕШКИ

Ответственный редактор Л. Я. Либет. Художественный редактор М. Д. Суховица. Технический редактор С. Г. Марксвич. Корректор З. С. Ульянова. Сдано в набор 14/XII 1964 г. Подписано к печати 8/I-65 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,27. (Уч. изд. л. 3,27). Тираж 150 000 экз. ТП 1964 № 26. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ленинград, Кронверкская ул., 7. Заказ № 1814.

Рисунки П.Асеева

ВИКТОР БОРОЗДИН

МЕДОВЫЕ КАМЕШКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА • 1966

В РЫБАЧЬЕМ ПОСЁЛКЕ

На лето Илга приехала к бабушке — на берег Балтийского моря, в Рыбачий посёлок. Илга говорит, что теперь у неё два дома: один в городе, где мама и папа, а другой в Рыбачьем, у бабушки. А вот, где лучше, она и сама не знает, ей нравится и там и там.

Море Илга увидела впервые. Оказывается, оно большое-пребольшое. Если даже залезть на самое высокое дерево, то другого берега всё равно не увидишь.

Из бабушкиного дома слышно, как шумит море, иногда совсем тихо, словно рассказывает что-то, иногда громко и грозно.

Рыбачий посёлок небольшой, в одну улицу, и даже Илга в нём ни разу не заблудилась. Свой дом она сразу запомнила по акации, которая растёт возле крыльца.

А кроме того, напротив дома стоит столб с зарубиной. Таких столбов в посёлке много, но они без зарубинок. На этих столбах рыбаки сушат сети. От сетей всегда пахнет морем и рыбой.

Илга любит смотреть, как женщины чинят сети. Её бабушка тоже чинит. Она хоть и старенькая, но, когда в колхозе много работы, всегда помогает.

— Бабушка, а кто сети рвёт? Рыбины? — спрашивает Илга.

— Ну, когда рыбины, а когда за камни зацепятся, вот и рвутся,

— А можно, я попробую чинить?

— Отчего же, попробуй.

— А как?

— Вот продень сюда и сюда, а потом накинешь петлю и затянешь узелок.

У бабушки всё ловко получается. Илге кажется, что и у неё так же получится. Но у неё нитка путается и узелок затягивается не там, где надо.

— Ничего,—говорит бабушка,—подрастёшь—научишься.

Всё в Рыбачьем хорошо, вот только подружек Илга сразу не нашла. Другие девочки живут далеко, в конце посёлка, а рядом—только Женька Жук, но он старше её и по-настоящему водиться с ней не хочет, даже удить рыбу с собой не берёт.

У САМОГО МОРЯ

Хорошо у моря. Солнце так и припекает. Ветер куда-то улетел, должно быть, в другие страны, и море, успокоившись, задремало. Ленивые волны нехотя набегают на пологий берег, шуршат на песке и так же нехотя отходят назад.

На берегу полно купальщиков. Больше всего ребят. Они кувыркаются на песке, кричат, смеются. Поднимая брызги, бегут в море и плывут наперегонки, резко взмахивая руками.

Илга плавать не умеет, поэтому плещется у самого берега. Вот если бы научиться плавать! Как те мальчишки.

Илга отыскала прутик и стала на песке рисовать море, девочку с косичками... Девочка заплыла далеко-далеко, туда, где море встречается с небом. Илга хотела нарисовать и солнце — ведь солнце тоже каждый вечер купается, — но тут сзади подскочил мальчишка, вырвал у неё прутик и бросился бежать в море.

— Отдай! — закричала Илга и пустилась за ним вдогонку.

Мальчик бежал быстро, но, когда вода стала ему выше колен, Илга догнала его. Тогда он бросил прутик и, окатив Илгу брызгами, побежал назад.

Илга поймала в воде прутик и от радости подпрыгнула. А когда снова стала на ноги, то вдруг почувствовала, что она под водой и только затылок печёт солнце. Она так растерялась, что стояла не шевелясь.

Но вот волна, которая её накрыла, отошла, и Илга увидела всё сразу: и небо, и чаек, и ребят на берегу, а прямо

перед собой чью-то загорелую спину. Вдохнув воздух, Илга хотела закричать, но тут подоспела новая волна, и вместо крика у неё получилось: „буль-буль-буль“.

И вдруг кто-то сильно рванул её вверх. Вода стекала с волос, мешала смотреть, но Илга сразу узнала Женьку.

— Это ты? — удивился он. — Ты что тут делаешь?

— Я... Я...

— А ну, марш отсюда! — И Женька стал подталкивать её поближе к берегу. — Вот скажу бабушке, тогда будешь знать!

Илга молчала.

Морская вода, которую она всё-таки глотнула несколько раз, оказалась ужасно горькой, просто противной. Илга отплёвывалась.

Они выбрались на берег.

И тут Илга заплакала.

— Ладно, не плачь, — сказал Женька, — так и быть, не скажу бабушке. Только в другой раз не тони.

Илга вытерла глаза, схватила платье и, не надевая, побежала домой.

ДЮНЫ

От посёлка к морю идут песчаные дюны: вверх-вниз, вверх-вниз, словно морские волны. Бабушка говорит, они и были волнами.

Когда-то давно-давно рассердился морской царь на людей за то, что они много рыбы ловили, и решил разрушить их дома. Взволновал царь море и погнал огромные волны на берег.

Бегут волны, торопятся, друг дружку подгоняют. Всё ближе, ближе к домам подбираются. Вот уж под их напором крайние дома затрещали, закачались, еще немножко — и рухнут. Но тут вышли из-под земли волшебные человечки, взмахнули волшебными палочками, и те морские волны, что были на берегу, превратились в песчаные дюны.

С той поры, сколько бы ни сердился морской царь, сколько бы ни бушевало море, но едва морская волна коснётся берега, как тут же в испуге бросается назад. С грохотом сшибается с бегущей навстречу волной, шипит, пенится, словно уговаривает:

„Не ходи, вернись, превратишься в песок“.

Илге хочется узнать: сказка это или по-правдашнему так было. Она захватывает пригоршню песка, пересыпает из ладони в ладонь — песок как песок, нисколько и не похож на воду.

Но от сильного ветра дюны словно оживают. По их пологим бокам струйками течёт песок, и Илге кажется, что дюны вот-вот снова превратятся в морские волны.

МЕДОВЫЕ КАМЕШКИ

В плохую погоду Илга сидит дома. Одной, конечно, скучно, но Илга всегда находит какое-нибудь дело.

Больше всего она любит играть в камешки. Сядет на лавку или на пол, возьмёт в руку пять камешков, подбросит один, а четыре положит. Потом снова подбросит, и, пока камешек летит, надо успеть схватить с полу один, два или три — сколько задумал. В этом большая ловкость нужна. Впрочем, вы и сами знаете и, наверно, не раз играли в эту игру. Только камешки у вас просто голыши, а у Илги!.. Сразу и не объяснить какие.

Они необыкновенные — жёлтые и прозрачные, как мёд. Илга сначала так и подумала, что кто-то накапал свежего мёда, капли эти затвердели и получились камешки. Она даже понюхала, а потом лизнула их, но камешки были совсем не сладкие и ничем не пахли.

Илга нашла их в бабушкиной деревянной коробочке. Коробочка эта старая, вся почерневшая и стоит на таком же старом комод, возле зеркала.

Когда Илга впервые заглянула в эту коробочку, у неё даже глаза разбежались. Там были разные бусы, серьги, и все из медовых камешков.

Илга тут же всё это нацепила на себя и стала красоваться перед зеркалом. Но пришла бабушка, и всё пришлось положить на место. Только пять прозрачных камешков бабушка разрешила взять для игры.

Был в коробочке и ещё один — шестой камешек. Он Илге больше всего понравился, даже больше бус. Лежал он отдельно от других, завёрнутый в тряпочку. Но бабушка строго-настрого приказала, чтобы Илга его не брала.

А камешек этот был удивительный. С виду такой же желтоватый, такой же прозрачный, как и другие, но внутри у него сидел паучок, да-да, настоящий паучок. Сверху посмотришь — спинка видна, перевернёшь камешек — брюшко и лапки.

— Бабушка, как паучок туда залез? — спросила Илга.

— Не знаю, уж как-то залез. Если хочешь узнать, сходи к дедушке Янису, он тебе всё расскажет.

Дедушку Яниса Илга знала хорошо. Он жил через дом от них. Был он старенький, нигде уже не работал, но часто Илга видела через окошко, как он, сидя за столом, что-то мастерит. А вот что — она не знала, а спросить стеснялась.

ЗАЧЕМ ДЕРЕВЬЯ ПЛАЧУТ

Дедушка Янис был как раз дома, когда Илга постучала к нему.

— А, гостья! — сказал он, улыбаясь. — Заходи, заходи. Ну, что у тебя там?

— Вот, — сказала Илга и положила на стол камешек, в котором, растопылив тонкие лапки, сидел паучок. — Как он сюда попал, а, дедушка?

— Хорош паучок. А ты знаешь, что это за камешек?

— Медовый? — неуверенно сказала Илга.

— Не-е-т, это янтарь — затвердевшая смола, ну, вроде как сосновые слёзки.

— А разве деревья плачут? — спросила Илга.

— Конечно! Слёзы у деревьев — вроде как лекарство. Вот ветром ломает сук или лопнет у дерева кора. Пойдёт дождь, попадёт вода в трещину, на сломанное место, и начнёт дерево гнить. А там появятся жучки, червячки и станут точить. Глянешь — дерево ещё молодое, а уже почти в труху превратилось. Немножко постояло и свалилось.

Вот деревья и научились плакать. Как только появилась трещина, сразу же в этом месте вытекает сок, ну, вроде как слёзы. Сосновые слёзы — смола — густые, клейкие. Недаром говорят: „Пристал, как смола!“

Текут сосновые слёзы, и все трещины, все ранки, словно клеем заклеивают. Тут уж никакой дождь не страшен. Вот

и выходит, что деревья плачут не просто так, они сами себя лечат.

— Дедушка, а как паучишка в эту смолу попал? — спросила Илга.

— Сейчас расскажу.

Дедушка Янис достал трубочку, набил её табаком и, когда трубочка раскурилась, продолжал.

КАК ПАУЧИШКА В ПЛЕН ПОПАЛ

— Было это давно-давно: не сто и не тысячу лет назад, а столько, что и не сосчитать. Тогда и посёлка нашего не было, да и моря здесь тоже не было.

— Не было? — удивилась Илга. — А где же оно было?

— Очень далеко отсюда. А здесь росли дремучие леса. Сосны такие высокие, что, если захочешь посмотреть на верхушку, шапка с головы свалится. Но и в те времена, кроме диких зверей и птиц, в лесах много всякой мелюзги водилось: жучки, червячки, комарики, мошки... Жил тогда и очень сердитый паучок.

— Этот самый, что в камешке сидит? — спросила Илга.

— Этот самый. Поселился он на старой сосне. Кора у сосны вся в трещинах, мхом обросла. В ней паучку прятаться легко и паутину плести сподручно.

Сплёл паук свою сеть, а чтоб ветром её не сдуло, крепко-накрепко к коре прикрепил. Сам в трещину спрятался.

Вот сидит он, добычу ждёт, — продолжал дедушка, — а тут вдруг налетел ураган, по лесу шум да треск пошёл. Сосны стали с размаху ударяться верхушками друг о дружку, и на землю сучья да куски коры полетели. Страшно паучку. Целый день просидел он в засаде. Проголодался, а добычи нет. Только к вечеру, когда ураган затих, сеть кто-то вдруг: дёрг-дёрг.

— Муха попала? — спросила Илга.

— Может, и муха, кто ж его знает. Выскочил паучок из своего укрытия. И вдруг — стоп! Лапки попали во что-то

густое и липкое. Рванулся паучок, да не тут-то было. А густой липучки становится всё больше, больше. Вот ведь — хотел муху или комарика поймать, а получилось, что сам попался.

— Это он в смоляные слёзки попал? — спросила Илга.

— Ну да. Во время грозы сосну повредило, вот она и заплакала. А паучок этого не знал.

— А дальше что было?

— Потом старая сосна совсем состарилась, упала в болото и сгнила. А смоляная слёзка, в которой сидел паучок, осталась — ведь смола не боится воды. И вот прошло много-много лет. Не сто и не тысяча, а, как я уже говорил, не сосчитать сколько. И чем дольше лежали в земле смоляные слёзки, тем становились твёрже, пока не превратились в янтарь. Потом сюда пришло море, постепенно оно размыло песок и стало выбрасывать янтарные камешки на берег. Один камешек, в котором сидел паучок, подобрала твоя бабушка. Вот и весь рассказ.

ПРОЩАЙ, ПУГОВКА!

Илга вышла от дедушки Яниса, и первое, что ей попало на глаза, были сосны. Они росли тут же, за домами. Раньше Илга их совсем не замечала. Да и соснам до неё никакого дела не было. Но сейчас они помахивали пушистыми верхушками и словно звали её к себе. „Поди, мол, посмотри сама, из чего янтарь получается. Ведь мы тоже умеем плакать“.

И Илга подбежала к ним. Смоляные слёзки она нашла не сразу. Поблёскивали где-то там, высоко, но ведь до них не дотянешься. И только у одной сосны слёзка оказалась низко. Была она большая, с половину грецкого ореха. Сверху слёзка уже застыла и была гладкой, но когда Илга подцепила её ноготком, внутри смола оказалась липкой и очень тягучей.

„Что бы в неё посадить?“ — подумала Илга. Она огляделась. Но поблизости была лишь трава, сухие ветки да песок. Ничего подходящего. В кармашке она нащупала пуговку.

„Посажу пуговку, — решила Илга. — Если эта слёзка потом станет янтарём и через много-много лет его найдёт кто-нибудь, пусть узнает, какие у меня были пуговицы“. И она стала заталкивать пуговку в смоляную слёзку. Но той словно не хотелось лезть в смолу, и краешек её всё время вылезал. Наконец Илга и его залепила.

— Ну вот и всё, прощай, пуговка! — сказала Илга. — Уж если тебя найдут, то нипочём не догадаются, как ты сюда попала.

В ЛОДКЕ

Быстро проходит лето. Солнце ещё припекает, но не так жарко. Вода в море стала холодной, и купаться нельзя. А песок ещё тёплый, и по дюнам лучше всего бегать босиком.

У причала Женька и его приятель Додька красят лодку. Илге тоже хочется покрасить, но она не просит. Разве дадут!

У Женьки всё лихо получается: он кистью раз-раз, глядишь, пол-лодки уже покрашено. Додька — тот ме-е-дленно... и так смешно: куда кисточкой ведёт, туда и языком тянется, словно язык ему помогает. Но зато краски ни одной капельки не прольёт и, уж если полоску ведёт, никуда в сторону не заедет.

— Жень, а когда покрасите лодку, нас покатают? — спрашивает Илга. Ей очень хочется, чтобы Женька сказал: „Покатают“.

— На этой нельзя, — говорит Женька деловито, — надо, чтобы краска просохла.

— А на той?

— А на той можно, — говорит Додька. — Сейчас мой брат придёт, попросим. Только ты оденься потеплее, а то в море ветер знаешь какой! И хлеба захвати — чаек кормить.

Илга срывается с места, а когда, запыхавшись, прибегает назад, моторка уже трещит. За рулём сидит Додькин старший брат Вася — в промасленной куртке и в кепке, надетой назад козырьком.

Лодка полна ребят.

— Скорее, скорее! — кричат они Илге.

Чем дальше в море идёт лодка, тем сильнее дует ветер. И такой настырный! Лезет за воротник, холодит ноги. А то как окатит брызгами! Ух ты-ы!..

Илга закрывается руками. А Женька не прячется от брызг. Ему, наверно, они нравятся. Он стоит на корме, подставив лицо ветру, и вихор на его затылке трепыхается так смешно и задорно.

Над головой чайки так и снуют, кричат что-то. Илга бросает кусочки хлеба. Чайки камнем падают вниз и подхватывают их. И как они среди пены и волн замечают!

— Смотри, — говорит Додька, — чайки хоть и крикливые, а живут, наверно, дружно. Видишь, за одним кусочком никогда две чайки не бросаются, только одна, а другая уступает ей.

Хлеб у Илги кончился, и чайки кричат уже далеко.

Илга смотрит вперёд и видит только море и небо. Ей становится страшновато. Лодка качается, волны качаются, даже облака на небе и те качаются.

И она оборачивается. Берег — вон он, не так уж и далеко. А зато сколько видно! Вон бабушкин дом. А вон — дедушки

Яниса. А от Женькиного видна только красная крыша из черепицы.

А слева от посёлка, за леском, оказывается, ещё посёлок. Наверно, тоже рыбачий.

Ветер снова распахивает полы пальто и лезет за шиворот. Илга съёживается в комочек.

— Дрожишь? — спрашивает Додька.

— Чуть-чуть.

— А ты что платок не захватила? Теплее было бы.

— Ой, а у меня есть, я совсем забыла! — Илга вытянула из-под пальто пёстрый платочек и накинула на голову. Ещё бы немножко, и она успела бы завязать на шее узелок, но тут налетел ветер — он словно подкарауливал — и вырвал платок из её рук. — Ой! — только и успела крикнуть Илга.

— Ой! — крикнул кто-то ещё из девочек.

Если бы не Женька, платок был бы в море. Но Женька вскочил на край лодки и, как вратарь ловит футбольный мяч, поймал на лету Илгин платок.

— Ура-а! — закричал Додька.

— Ура-а! — закричали все остальные ребята.

Но закричали, должно быть, слишком рано. Лодку вдруг подбросило на волне, и Женька, потеряв равновесие, полетел в воду. Падая, он уцепился рукой за борт лодки и повис по пояс в воде.

— Упал, дядя Вася, Женька упал! Скорее, он утонет! — закричали ребята.

Мотор сразу умолк, и Вася вскочил, чтобы помочь Женьке. Но ребята уже тянули его — кто за рубаху, кто за штаны.

— Давай, давай, — кричали они, — ещё немножко! . .

Лодку качало, и Женька никак не мог взобраться на борт.

Наконец Вася, крепко схватив его за руку, рывком втянул в лодку.

— Тяни его, тяни! — кричали ребята. Испуг уже прошёл, и всем вдруг стало весело.

— Жень, а ты здорово! Как вскочил, а потом как! . .

— Раздевайся скорей, выжмем, — сказал Додька.

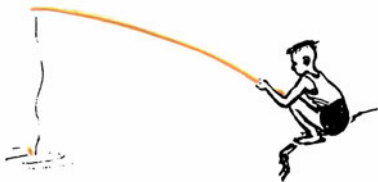
От холодного купанья Женька был весь красный.

Пока выжимали одежду, лодка полным ходом шла к причалу.

— Да, а платок-то утонул? — спросил Додька.

— Не-е-т, вот он. — И Женька протянул Илге мокрый платок. — На, да держи крепче, чтобы не улетел!

КТО ИХ ПОЙМАЛ?

За день Илга так набегалась, что ног под собой не чует. А вечером села возле бабушки, прижалась к ней и просит рассказать сказку. О волшебных человечках — тех, что оставили морские волны и превратили их в дюны. Человечки эти очень маленькие, их каждый мальчишка обидеть может. Поэтому живут они под землёй, в янтарных домиках и наружу выходят только ночью, когда все ребята спят.

Илге очень хочется увидеть этих человечков, и, перед тем как заснуть, она лежит тихо-тихо, чтоб не спугнуть их, если они придут. А они не приходят.

Но однажды... Впрочем, я расскажу всё по порядку.

Случилось так, что бабушка заболела. Она весь день лежала и вставала, лишь чтоб покормить Илгу. Сама она почти ничего не ела, всё больше пила.

— Бабушка, ты не вставай, — говорила Илга, — я всё сделаю, ты только скажи, что нужно.

В этот день Илга даже гулять не пошла, лишь сбегала на минутку к дедушке Янису попросить для бабушки порошки.

По дороге ей встретился Женька.

— Ты куда? — спросил он.

— За лекарством, бабушка заболела. А ты — на море?

— Ага.

— Жень, а когда море станет тёплым, ты меня научишь плавать?

— Море не станет тёплым. И вообще, я девчонок не учу. Они чуть хлебнут водички — сразу в слёзы!

— Ну и без тебя научусь! — обиделась Илга.

В этот вечер она легла спать рано и проснулась, как только рассвело. Бабушка ещё спала, но на кухне кто-то плескался. Илга подумала, что это мама приехала. Она сбросила одеяло и побежала на кухню. Но мамы там не было. А на лавке в тазике плескались две круглые, как блин, камбалы.

— Откуда вы взялись? — удивилась Илга. — Кто вас пойма? Ой, они, кажется, говорят!

Она схватила одну рыбину и поднесла её к уху. Но камбала лишь открывала и закрывала рот, а что говорила — ничего не было слышно.

„Может, она пить просит? — подумала Илга. — А воды у них мало“. И, положив камбалу обратно в тазик, вылила в него кружку воды.

Рыбины сразу оживились, рты их перестали открываться, а когда Илга попробовала погладить одну из них, камбала вдруг ударила хвостом по воде, да так, что чуть не выпрыгнула из тазика. Илга еле удержала её.

— Ты что там балуешься? — спросила бабушка.

— Это не я, это рыбины тут прыгают. Ой, ой, они меня всю обрызгали! Бабушка, кто их принёс?

— Не знаю, — сказала бабушка, — я спала.

— А может, это волшебные человечки ночью приходили?

— Может, человечки, — ответила бабушка и улыбнулась.

— Ну да, они. Ведь ты сама говорила, что они добрые и всегда помогают, кому нужно.

ВЕТКА ОБЛЕПИХИ

Вечером бабушке стало легче, но совсем она ещё не выздоровела и продолжала лежать в постели. И Илга решила: этой ночью волшебные человечки, наверно, опять придут. Ей очень захотелось подкараулить их. Когда легла спать, она долго лежала с открытыми глазами.

На улице кто-то прокричал: „Вася-а-а!“ Потом затрещала моторка — всё тише, тише, пока не умолкла совсем.

„Наверно, очень страшно ночью плавать по морю?“ — подумала Илга и потеплее укрылась одеялом.

Где-то на краю посёлка залаяла собака. Лаяла не зло, должно быть, так, от нечего делать. Тяжело ступая, кто-то торопливо прошёл мимо дома. А в самом доме по-прежнему тихо.

Но вот что-то скрипнуло. Илга насторожилась. Нет, это бабушка повернулась на другой бок, и под ней заскрипела кровать.

Взошла луна. В доме стало светлее, голубой лучик, прорвавшись между двух занавесок, светлой полосой лёг на Илгину постель.

Илга подставила под лучик ладонь, и ладонь осветилась так ярко, что на ней стала видна каждая бороздка. И Илга подумала, что вот так, наверно, и волшебные человечки: выходят из-под земли, снимают с головы волшебные шапочки и подставляют их под лунный свет. Когда шапочки до краёв наполнятся голубыми лучиками, они несут их

к себе под землю, туда, где их домики, и на их улице становится светло.

„А что, если я попробую поймать эти лучики?“ — подумала Илга.

Она быстро сжала кулачок и с головой нырнула под одеяло. Разжала пальцы. Но лучиков уже не было. „Ну конечно, — с грустью подумала она, — ведь моя ладонь не волшебная...“

Она всего лишь на секунду закрыла глаза, а когда открыла, в доме было совсем светло.

— Опять проспала! — с обидой сказала Илга. — Ведь человечки если и приходили, то уже ушли.

Неожиданно она почуяла, что в доме пахнет чем-то очень вкусным. Потянула носом: чем же это? Духами? Нет, духи у мамы пахнут не так.

Илга встала. И вдруг на кухне, на том самом месте, где вчера стоял тазик с рыбами, она увидела свежесломанные ветки. От них-то и шёл этот удивительно вкусный запах.

Илга взяла одну ветку. Она была осыпана желтовато-оранжевыми ягодками. Илга не удержалась и отщипнула несколько штучек. Ягоды оказались кисленькими и очень душистыми.

— Бабушка, бабушка, — закричала Илга, — смотри, что у нас есть!

Бабушка повернула голову:

— Это, внученька, облепиха. Мы из неё кисель варить будем. Знаешь, какой кисель получится, объеденье! Мне как раз кисленького хотелось: во рту всё пересохло.

Бабушка встала, ей уже полегчало. А когда она сварила кисель и они с Илгой съели по целой чашке, голова у неё совсем перестала болеть.

Кисель получился удивительно вкусный, такого Илга ещё никогда не пробовала.

В этот день она рассказывала всем соседям, что ночью к ним приходили волшебные человечки и принесли облепихи.

Соседи слушали её и улыбались. Один лишь Женька

Жук как-то странно пожал плечами, а потом подошёл к Илге и, глядя на неё озорными глазами, сказал:

— Я думал, ты большая, а ты все-е-м ещё глупенькая! — повернулся и ушёл.

И почему он так сказал?

НЕОБЫКНОВЕННАЯ НАХОДКА

Два дня бушевало море. Тяжёлые волны одна за другой с грохотом бросались на берег, обдавая его холодными брызгами. В такую непогоду даже бесстрашные рыбаки не вышли в море, и их моторки были спрятаны в укрытия.

Берег опустел. Не видно было и ребятишек. Вот почему никто не заметил, как волна выбросила на песчаный берег два коричневатых камешка.

Илга сидела у окна и смотрела, как бушует непогода. От ветра акация в палисаднике вся изогнулась и ветки её колотились о раму, словно просили Илгу пустить их в дом. Потом пошёл дождь, косой и сильный. Капли дробно застучали в окно. Но Илга и им не открыла окошко. Тогда капли, словно обидевшись, медленно поползли вниз по стеклу.

Скоро дождь кончился. Мало-помалу утихомирился и ветер, и Илга наконец смогла выйти на улицу.

Море всё ещё шумело, но уже тише. По небу быстро-быстро летели серые облака.

Илга сбежала вниз, к самому морю, и вот тут-то она увидела на песке два коричневых камешка. Вернее, сначала увидела один. Он был отколот, и отколотое место блестело, как стёклышко.

Илга подняла его и стала рассматривать. Камешек был лёгкий и в отколоте месте золотисто-жёлтый и прозрачный, как мёд. Это был янтарь, Илга сразу догадалась. А внутри

камня росла травка. Даже без увеличительного стекла была видна каждая травинка, каждый стебелёк.

Второй камешек был не прозрачный, и Илга не могла увидеть, было что-нибудь в нём или нет. Она побежала к дедушке Янису.

— И правда, травка, — сказал дедушка, рассматривая камешек.

— Дедушка, а со второго ты срежешь корочку? А то не видно — вдруг в нём тоже что-нибудь есть?

— Срежу, — сказал дедушка, — только потом. А сейчас беги домой, папа с мамой приехали.

Илга схватила камешек с травкой и побежала домой. Папу и маму она давно не видела и очень по ним соскучилась.

ВОЛШЕБНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Вот ведь как бывает: целых два дня Илга сидела дома, и никто не приезжал, а стоило ей на минутку сбегать к морю и на полминутки к бабушке Янису, как приехали и папа и мама.

Илге хотелось рассказать им всё сразу: и о волшебных человечках, которые приносили им облепиху и рыбу, и о янтарном камешке, в котором сидел паучок, и о том, как она каждый день бегала к морю, всё хотела найти такие камешки, но они не попадались. А вот сегодня после бури пошла и сразу нашла.

— Вот эта травка, — говорила Илга, показывая свой камешек, — росла давно-давно, когда здесь не было ни дома, ни сада. Смоляная слёзка капнула на неё и застыла, и травка так и осталась в ней.

— Потом, потом расскажешь, — засмеялась бабушка. — Сейчас давайте пить чай с городскими гостинцами.

Илге очень не терпелось скорее узнать, есть во втором камешке что-нибудь или нет, и после чая она два раза бегала к бабушке Янису.

— Пока ничего не видно, — говорил дедушка.

Вечером, когда Илга собиралась побежать в третий раз, дедушка Янис вдруг пришёл сам.

— Вот, — сказал он и положил на стол маленькую коробочку.

Илга смотрела, но не верила глазам. Перед ней в коробочке был гладко отшлифованный кусочек янтаря, а в

нём — крошечный, с ноготок, человечек. Человечек сидел на крутом берегу и удил рыбу.

— Кто это? — удивилась Илга.

— Волшебный человечек, — сказал дедушка Янис. — Ты же хотела его видеть.

— А как он сюда попал? И где его волшебная шапочка?

— Хм, вот про шапочку-то я и забыл, — огорчился дедушка. — А впрочем... в ней-то всё и дело. Будь у него волшебная шапочка, он бы выбрался из янтаря, ну, а так — застрял в нём, как тот паучок.

— А ну-ка дайте мне посмотреть, — сказала бабушка, надевая очки. — Ты, дед, я вижу, тоже начинаешь сказки рассказывать. Верно, человечек...

— А на затылке вихор торчит, — сказала мама, — точь-в-точь как у паренька, который у вас тут по улице бегаёт. Как его — Женькой, что ли, зовут?

— Женька Жук, — подтвердила Илга. — Ой, он и правда похож на Женьку. Можно, я ему покажу?

— Конечно, — сказал дедушка Янис, — только янтарь из коробочки не вынимай, а то потеряешь.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ РЫБАЧЬЕГО

Женьку и Додьку Илга нашла на улице.

— Ты что, — сказал Женька, — опять пришла сказки о волшебных человечках рассказывать?

— Вовсе это и не сказки, — ответила Илга, — волшебные человечки и по-правдашнему есть. Вот, один у меня тут, в камешке, сидит.

— Чего, чего?

— Посмотри. — Илга протянула коробочку.

— Где ты взяла?

— У моря нашла.

— Такой гладкий?

— Нет, это дедушка Янис так сделал.

— А-а, тогда всё понятно. Додька, посмотри, верно, как настоящий человечек?

— Верно. А как он туда попал?

— Сейчас увидишь. — И Женька ловко вынул янтарь из коробочки.

— Не вынимай, — запротестовала Илга, — дедушка не велел.

— Эх, ты, да ведь дедушка нарочно так сказал. Вот смотрите. — И Женька повернул камешек обратной стороной. Но там было что-то нацарапано — и всё. — Это дедушка так сделал, — сказал Женька, — ножичком нацарапал человечка. Только смотреть на него надо с другой стороны, вот отсюда.

Женька снова повернул камешек, и волшебный человечек по-прежнему сидел в нём и удил рыбу.

— А скажешь, и паучка дедушка сделал? — спросила Илга.

— Не-е-т, паучок-то настоящий. На него с какой стороны ни посмотри, всё равно видно.

— А волшебные человечки тоже есть настоящие, — сказала Илга.

— Вот и нету.

А кто, по-вашему, рыбу и облепиху нам приносил, когда бабушка заболела, кто?

— Ах, рыбу-у!..

Мальчики переглянулись и ничего не сказали.

ДО СВИДАНИЯ, ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ!

Через день Илга уезжала. Лето кончилось, и мама с папой увозили её в город. В последний раз Илга сбежала по дюнам к морю. Вода была такая холодная, что обжигала руки.

— До свидания, море! — сказала Илга. — До свидания, янтарный берег! До свидания, медовые камешки! — Она постояла немножко и побежала проститься с дедушкой Янисом.

— До свидания, до будущего лета, — сказал дедушка. — А камешек — тот, с человечком, не теряй. Это памятка о ребятах нашего посёлка. Они хоть и не волшебники, но в беде никого не оставляют. Ну, кому рыбу наловят, кому ещё что сделают... — добавил он улыбаясь.

— Ой, так это они!..

Бабушка провожала до самого автобуса. А Женька и Додька прибежали, когда автобус уже трогался.

— Приезжай на следующее лето, научу плавать! — крикнул Женька.

— Ладно, приеду! — ответила Илга.

Женька крикнул что-то ещё, но автобус зарычал, и Илга не расслышала. Она махала ребятам на прощание, а когда автобус завернул за угол, сунула руку в мешочек с янтарными камешками. Илга была очень довольна, что у неё есть камешек, который может рассказать не только о паучке, что жил много-премного лет назад, но и о таких ребятах, как Женька Жук и его друг Додька.

СОДЕРЖАНИЕ

В Рыбачьем посёлке	3
У самого моря	5
Дюны	8
Медовые камешки	10
Зачем деревья плачут	12
Как паучишка в плен попал	14
Прощай, пуговка!	16
В лодке	18
Кто их поймал?	25
Ветка облепихи	28
Необыкновенная находка	33
Волшебный человечек	37
Мальчишки из Рыбачьего	39
До свидания, янтарный берег!	42

